

ЗАЧАРОВАННОЕ МЕСТО

МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЕ, МЕДИАГРАМОТНОСТЬ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ
СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ

Под редакцией
А.Г. Качкаевой, А.А. Новиковой

Издательский дом
Высшей школы экономики
МОСКВА · 2021

УДК 316.775.4

ББК 76.032

3-39

Рецензенты:

кандидат филологических наук, ординарный профессор
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» *А. Н. Архангельский*;
доктор исторических наук, профессор Казанского
федерального университета *Р. В. Даутова*

Авторский коллектив:

А. Г. Качкаева (Предисловие 1, Заключение), *И. В. Кирия* (Предисловие 2,
гл. 1, 6), *А. А. Новикова* (Предисловие 1, гл. 2, 5, 8, 9), *Е. В. Петрова*
(Предисловие 2, гл. 1, 4, 6), *В. П. Чумакова* (гл. 1, 3, 5, 6, 7, 8)

Под редакцией

А. Г. Качкаевой, А. А. Новиковой

Зачарованное место. Медиапотребление, медиаграмотность
и историческая память сельских жителей / *А. Г. Качкаева* [и др.] ;
3-39 под ред. *А. Г. Качкаевой, А. А. Новиковой* ; Нац. исслед. ун-т «Выс-
шая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономи-
ки, 2021. — 168 с. — 500 экз. — ISBN 978-5-7598-2522-7 (в обл.). —
ISBN 978-5-7598-2288-2 (e-book).

Эта книга объединила под одной обложкой результаты междисциплинарного научного исследования, проводившегося Лабораторией медиаисследований ЦФИ НИУ ВШЭ в 2012–2014 годах, журналистские наблюдения и эссе участников экспедиций, а также большие фрагменты интервью с сельскими жителями. Полевая часть исследования проходила в период значительного усиления вовлеченности технологий в жизни людей в сельской местности. Мы зафиксировали важный этап трансформации медиасферы — ситуацию перехода на цифровое многоканальное телевидение в различных регионах и начало формирования новых (цифровых) практик медиапотребления. Кроме того, в книгу вошли актуальные рефлексии исследователей о влиянии описанных процессов почти десятилетней давности на уровень медиаграмотности и социальной удовлетворенности сельских жителей.

Коллективная монография завершена и издана при поддержке Центра цифровых культур и медиаграмотности НИУ ВШЭ.

УДК 316.775.4

ББК 76.032

doi:10.17323/978-5-7598-2522-7

ISBN 978-5-7598-2522-7 (в обл.)

ISBN 978-5-7598-2288-2 (e-book)

© *А. Г. Качкаева, И. В. Кирия, А. А. Новикова,*
Е. В. Петрова, В. П. Чумакова, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРВОЕ. НЕ СОВСЕМ НАУЧНОЕ	5
«От печки...». Как появилась эта книга?.....	5
«Оцифрованная» память.....	11
Как устроена эта книга?.....	13
Воспоминания.....	14
Впечатления.....	18
ПРЕДИСЛОВИЕ ВТОРОЕ. НАУЧНОЕ	21
I. УТОРЫ, СЕРЕДКИНО, КОКСОВЫЙ, ДАНАУРОВКА НА КАРТЕ «ОЦИФРОВАННОЙ» РОДИНЫ. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ	31
Инструментарий исследования.....	31
Описание населенных пунктов, в которых проводились экспедиции	33
II. ЗАЛОЖНИКИ КОЛЕИ	42
Телезрители в винтажном интерьере	44
Икона и фотография — окна в прошлое	46
Люди перед телеэкранами	49
III. МОСТ В БУДУЩЕЕ	55
Компьютерная модернизация	55
Прощание с общиной.....	59

IV. ОБЩЕСТВО РЕМОНТА	63
Люди и вещи	66
Социальная жизнь в новых формах.....	70
V. МЕЖДУ ГОРОДОМ И ДЕРЕВНЕЙ	74
Китч как имитация традиционной культуры	76
Воздействие киноклише	82
VI. ОКНО В СТРАНУ	92
Бытовые привычки сельских жителей	93
Стратегии медиапотребления	98
Анализ интервью с использованием кодирования.....	101
VII. УСТНАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО СЕЛА	106
«Устное» и «письменное» применительно к медиaprактикам	107
Агенты устной культуры	111
Мобильный Интернет как «новая грамотность»	115
VIII. СОЦИАЛЬНЫЕ ИДЕАЛЫ НА ТЕЛЕЭКРАНЕ	124
«Советский человек» в новой медиасреде.....	125
Типология сельских киноманов.....	129
Там, где обитает «настоящий мужчина»	133
IX. СТРАХИ И НАДЕЖДЫ	140
Синдром тревожного мира.....	143
Призрачные надежды.....	154
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	160
Телевидение большой страны: «общая эмоция»	160
Трансформационная сила технологий и «городская площадь глобальной деревни»	163

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРВОЕ. НЕ СОВСЕМ НАУЧНОЕ

«ОТ ПЕЧКИ...». КАК ПОЯВИЛАСЬ ЭТА КНИГА?

Магическое слово *цифровизация* за последние 20 лет превратилось в символ *будущности*, независимо от того, что в него вкладывают «цифровые оптимисты» и «цифровые пессимисты».

В России «переход телевидения в цифру» профессиональное сообщество телерадиовещателей и профильные ведомства начали активно обсуждать в начале нового — XXI — века. Почти 15 лет назад государственная программа грядущей цифровизации отрасли стала обретать первые контуры (ее первая версия была опубликована в 2007 году). Как раз в это время некоторые из нас¹ вместе с аналитическим центром Национальной ассоциации телерадиовещателей (НАТ) работали над книгой об опыте «перехода на цифру» в России и мире, специально для которой компания РОМИР проводила комплексное исследование населения России в целом и Мордовии в частности о восприятии циф-

¹ А.Г. Качкаева, И.В. Кирия — преподаватели факультета журналистики МГУ, сотрудники Фонда «Образованные медиа» (правопреемника АНО «Интерньюс»). Исследовательские и образовательные проекты Фонда после его закрытия в 2007 году были переданы и завершались в подразделении дополнительного образования «Высшая школа журналистики» ГУ ВШЭ.

рового телевидения. В аграрном регионе средней России (как, впрочем, и во многих других сельскохозяйственных территориях нашей страны) из-за низкого качества приема обычного эфирного телевидения и крайне ограниченного числа каналов телевизор, как рассказывали тогда селяне — первые обладатели цифровых телеприставок, «казал» две программы «с мурашками». В 2005 году контуры программы цифровизации еще только проступали в первых дискуссиях связистов, вещателей, владельцев сотовых компаний и государственных ведомств. «Мордовский эксперимент» на свой страх и риск запустила региональная компания ОАО «ВолгаТелеком». В результате приставки, позволявшие принимать цифровое телевидение (более 20 тематических каналов), которые можно было оплатить в том числе «морковкой и свеклой» (т.е. сельхозпродукцией), появились в шести сельских районах Республики Мордовия. До первой версии государственной программы цифровизации было еще два года. Мы сравнивали восприятие цифрового телевидения в неоцифрованной еще России и в отдельно взятой Мордовии, в которой появилось «цифровое разнообразие». Оценивали степень проникновения и оснащения населения республики цифровыми приставками. Пробовали понять, как изменилась практика телесмотрения в тех домохозяйствах, которые стали цифровыми пользователями, каким образом происходят приобретение, техобслуживание и настройка оборудования, в чем состоит глубинная мотивация покупателей услуг цифрового ТВ. И уже в этом исследовании — пусть и косвенно — был зафиксирован парадокс, связанный с тем, что практика реального просмотра сельскими жителями Мордовии, многие из которых за свою полувековую жизнь впервые начали без помех смотреть не только «полтора канала», но и дополнительные двадцать, свидетельствовала о привязанностях к двум привычным («Первый», «Россия 1»), а вовсе не о росте реальной аудитории «тематических каналов», вроде бы таких

желанных и приобретаемых в цифровом пакете². При этом само наличие возможности выбора было принципиальным, а теле-смотрение — особенно с учетом эффекта новизны — увеличивалось и распределялось между еще пятью-шестью каналами³, но привычные «теле-любимчики» в целом сохраняли позиции.

Через пять лет после неоднозначно оцениваемого с точки зрения затрат, эффективности перехода и будущего «цифрового дивиденда» запуска программы цифровизации и в преддверии уже ожидаемого к 2015 году отключения аналогового телевидения (срок окончательного перехода на цифру все время отодвигался, аналог в итоге отключили в 2019 году), мы — сотрудни-

² См: *Кирия И.В.* Восприятие цифрового телевидения в России и Мордовии (отчет по результатам комплексного исследования населения Мордовии в 2007. Исследовательская компания РОМИР) // *Цифровизация телерадиовещания: опыт перехода в России и мире / под ред. А.Г. Качкаевой.* М.: Элиткомстар, 2008. С. 209–242.

³ При постоянно фиксируемом в последние годы снижении телепотребления (особенно в городах-миллионниках) именно население сел и городов с населением менее 100 тыс. человек стало важнейшей аудиторией и для коммерческих вещателей, и для рекламодателей. Первые прогнозы и результаты медиаизмерений в этих регионах свидетельствовали, что телесмотрение «в глубинке» (а это почти половина населения страны — более 75 млн человек) в среднем выше, чем по стране, в том числе за счет детей и молодежи. См. подробнее: *Медиаизмерения в 2020 году // Телеспутник.* [Электронный ресурс]. <<https://telesputnik.ru/materials/tsifrovoe-televidenie/article/mediaizmereniya-v-2020-godu/>>; *Mediascope представила первые данные телеизмерений по всей России // Mediascope.* [Электронный ресурс]. 08.10.2019. <<https://mediascope.net/news/1072380/>>; *Mediascope пересчитает зрителей в деревне // Mediascope.* [Электронный ресурс]. 07.03.2018. <https://www.rbc.ru/technology_and_media/07/03/2018/5a9fc3fa9a79479fddc36407>; для всех — дата обращения 20.01.2021. Телепотребление во всей стране ожидаемо выросло во время пика пандемии коронавируса весной 2020 года.

ки и студенты Лаборатории медиаисследований Высшей школы экономики — поехали в российские села, чтобы наблюдать и фиксировать первые изменения зрительских привычек и предпочтений, связанные с цифровизацией (экспедиции проходили в 2012–2014 годах).

Появление в жизни сельских жителей многоканального телевидения, мобильных телефонов, Интернета и т.д. неизбежно должно было не только преодолевать «цифровой разрыв» территорий и расширять информационный выбор (одна из задач госпрограммы «перехода на цифру»), но и, как предполагали сторонники «коммуникационного изобилия», поколебать привычное еще с советских времен господство государственного (а позже федерального) телевидения как главного канала получения информации и развлекательного контента.

Сравнивая популярность телеканалов в различных сельских поселениях в 2012–2014 годы⁴, мы тоже, как и в 2006 году, фиксировали достаточно уверенное положение каналов «первой тройки» — «Первого», «России 1» и НТВ. Это подтверждало наше предположение, что увеличившийся выбор телеканалов не приведет к существенному увеличению разнообразия предпочтений зрителей ни в одном из регионов. Однако уже можно было заметить догоняющую популярность ТНТ и СТС в некоторых областях и республиках, прежде всего в Ростовской области⁵.

⁴ Ситуация могла незначительно измениться после введения двух мультиплексов в 2019 году и после того, как главный поставщик телеизмерений *Mediascope* начал впервые собирать данные телесмотрения в малых городах с населением менее 100 тыс. человек и селах (1 августа 2019 года), а Национальный рекламный альянс стал продавать рекламу на их основе (1 января 2020 года).

⁵ Первые данные (весна 2020 года) после перехода на новую измерительную модель показали, что среди главных бенефициаров расширения панели до малых городов и сел оказались телеканалы НТВ, ТВ-3 и «Пятница», а также РЕН, СТС и «Домашний», получившие в 2020 году дву-

В этой же области и Республике Татарстан мы отмечали также сохранявшееся еще тогда большое влияние регионального вещания. В том числе и из-за цифровизации, которая была неизбежна, но могла реализовываться и по другим сценариям, завершилась бурная тридцатилетняя эра «регионального телевидения» и так называемых телевизионных сетей, которая началась после перестройки, пережила стремительный расцвет в 1990-е (более 3 тыс. вещателей), несколько трансформаций (независимости, технологий, передела собственности, бизнес-моделей, регулирования) в первое десятилетие нового века и обрела нынешние гибридные контуры: немногочисленные независимые коммерческие вещатели, которые не потеряли аудиторию с переходом на цифру, развивая одновременно вещание на разных платформах (кабель, спутник, Интернет), губернские и республиканские каналы и холдинги (всего — около 1000 вещателей), региональные филиалы ВГТРК во всех субъектах федерации (89). Общероссийского ТВ регионов не появилось: от «регионального» канала в пакете первого мультиплекса отказались (первоначально планировался), «третий» — так называемый региональный/муниципальный мультиплекс — так и не был создан. В эфире Общественного телевидения России (ОТР), которое входит в первый цифровой мультиплекс как общедоступный канал, выделены «окна» для «региональных врезок». Но как именно после отключения аналогового телевидения смотрят и воспринимают в регионах оставшееся местное телевидение, распределившееся по

значный рост рейтингов. Крупнейшие же федеральные каналы «Первый» и «Россия 1» расширили аудиторию всего на 4%. Чтобы привлечь зрителей малых городов, некоторые каналы, до сих пор ориентировавшиеся на мегаполисы, наращивают объем отечественного контента. См.: *Афанасьева А.* Телеканалы не узнали зрителей // *Коммерсантъ.* № 62. 7.04.2020. <<https://www.kommersant.ru/doc/4315791>>; дата обращения 20.01.2021.

разным цифровым платформам, — разговор отдельный и тема для будущих исследователей.

Многоканальное телевидение и массовый доступ к Интернету могли повлиять на художественные вкусы, способность критически мыслить и строить планы на будущее или по крайней мере внести коррективы в привычный медиаклад.

Еще одним важным фактором оказались годы исследования. Хотя оно и не было очень долгим, между началом (2012 год) и окончанием (2014 год) первых четырех волн произошли значимые политические события, оказавшие большое влияние на содержание передач федеральных телеканалов, и прежде всего выпусков новостей. Боевые действия на востоке Украины существенно повлияли и на политическую риторику информационного телевидения, и на общественные настроения российских зрителей. Мы видели, как меняется их отношение к информационной повестке дня и общественное настроение в целом. Но для того, чтобы доказать, что изменились они именно под влиянием политических событий, мы должны были провести исследование в одних и тех же регионах до начала военных действий на востоке Украины и после них. Это не входило в наши исследовательские задачи, поэтому мы продолжили исследование по ранее намеченному плану. Однако отдаем себе отчет в том, что сопоставление дискурса сельских зрителей 2012 и 2014 годов не корректно без учета вышеизложенных факторов.

В 2020 году, когда мы завершили эту книгу, страна полностью перешла на цифру. Слово «цифровизация» стало привычным и даже «замылилось», его «приставляют» к любому развитию и названию, «цифровая экономика» — теперь общее место. Глобальный сдвиг из физического пространства в цифровое, случившийся из-за пандемии COVID-19, заставил миллионы прильнуть к многочисленным цифровым экранам и осознать трансформационную роль технологий и будущего через призму «цифры».

Тем важнее оставить для истории начавшиеся когда-то изменения, чтобы — если такая возможность появится у нас или у новых поколений исследователей — зафиксировать очевидные или неочевидные культурные перемены в разных «цифровых» Россиях.

«ОЦИФРОВАННАЯ» ПАМЯТЬ

Для того чтобы зафиксировать начинающиеся изменения, мы разработали методику исследования, которую опишем ниже. Но кроме проведения исследовательских работ, мы еще и просто разговаривали с людьми. И эти беседы дали нам не меньший материал для размышлений, чем полученный набор социологических данных. Почти любой вопрос о любимых фильмах и телевизионных передачах, об актуальных новостях и общественных проблемах мог стать для наших собеседников поводом поговорить о жизни: о прошлом, о своих обидах и страхах, о надеждах и разочарованиях. В эти моменты интервью превращалось в монологи, к которым — и спустя несколько лет после экспедиции это все более очевидно — можно относиться как к эго-документам.

Сегодня с подобными текстами работают не только исследователи (историки, лингвисты, социологи, антропологи и др.), но и писатели, драматурги, режиссеры. Благодаря им, формируется культурная (в том числе «цифровая») память. В рассказах наших собеседников мы увидели и обрывки коллективных воспоминаний, сконструированных государственной идеологией и тиражированных советским кино и телевидением⁶, и клишированные

⁶ Тому, что думали и как оценивали телевидение горожане-телезрители и горожане — активные пользователи Интернета, было посвящено исследование 2007 года (трое из нас — А. Качкаева, И. Кирия, С. Давыдов — были его участниками). Обычные люди два месяца смотрели телевизионные программы разных жанров и разных каналов. Для сбора мнений

формулы из консервативных СМИ, в которых выражается социальная травма, связанная с распадом СССР, и личные и семейные воспоминания, дающие возможность разглядеть сложную, противоречивую и часто трагическую историю крестьянского сословия в XX веке.

Тексты наших интервью часто трудно читать. В них много повторов и сумбура, много клише из официального дискурса, в частности транслируемого школой и средствами массовой информации. Мы полагаем, что в них тоже проявляет себя язык-свидетельство [Агамбен, 2012]. Этот язык, по мнению исследователей, вытесненный из официального языка построения позитивной российской государственности, становится языком вытесненной субъективности [Вайзер, 2016].

Мы будем многократно цитировать фрагменты этих диалогов и монологов в тексте книги, пытаюсь объяснить с их помощью кажущиеся нам не очевидными привычки и предпочтения, эмоциональные оценки и неожиданные выводы наших собеседников, которые нам удалось зафиксировать. В большинстве своем эти цитаты будут относиться к медиапрактикам, потому что мы исследовали в первую очередь современные формы медиакоммуни-

использовались электронные фокус-группы, дискуссионные фокус-группы (с модератором), личные интервью, онлайн-дискуссии. Полученные размышления «обыденных критиков» и их результаты читали профессиональные медиакритики — культурологи, социологи, журналисты. Подробнее — в двухтомнике «Российское телевидение: между спросом и предложением», в котором представлены основные результаты научных проектов Фонда «Образованные медиа», завершенных на базе ГУ-ВШЭ в 2007 году. В основу книги легли итоги двух исследований — проекта «Обыденные телекритики» (проводился совместно с Фондом «Общественное мнение») и «Контент-анализа телевизионного эфира федеральных российских каналов» (проводился в сотрудничестве с компанией ГФК «Русь»). См.: Российское телевидение: между спросом и предложением: в 2 т. / под ред. А.Г. Качкаевой, И.В. Кирия. М.: Элиткомстар, 2007.

каций, предполагающие как необходимое условие определенный уровень медиаграмотности пользователей.

Мы ставили перед собой задачу — зафиксировать изменения медиапрактик, а знания, эмоции, историческая память и т.д. были лишь контекстом для разговоров. Но этот контекст кажется нам важным, поскольку подтверждает невозможность выхода на новый уровень модернизации только за счет преодоления технологических диспропорций между регионами, только за счет облегчения доступа людей к информации. Не пережитые исторические и социальные травмы наслаиваются друг на друга, а социальная жизнь не развивается, материальные и культурные блага не дают человеку ощутить «субъективное благополучие» (включающее в себя счастье). Чем больше человек ощущает нехватку социальных благ, тем хуже его социальное самочувствие, ниже самооценка и уровень доверия к миру.

К тому же привычная нынче «неизбежность цифры» несколько затмевает разговор о как будто бы predetermined будущем с удобствами технологий, автоматизации и онлайн всего, но очевидными проблемами для частной жизни и гражданского общества, когда понятия личной свободы, приватности, памяти, жизни и смерти существенно меняются. Наши собеседники и их «зачорованные» места обитания — часто иллюстрация и необходимое напоминание о сложнейшей проблеме «цифрового неравенства» (и инфраструктура, и доступ к ней, и навыки), необходимости цифровой безопасности, цифровой и медиаграмотности.

КАК УСТРОЕНА ЭТА КНИГА?

Это не совсем академическое исследование. Не всем авторам этого сборника комфортно в рамках традиционной научной литературы. Мы, разумеется, старались придерживаться научных (хотя и не одинаковых у всех авторов) подходов к описанию и интер-

претации результатов исследования. Но внутри аналитических текстов, которые писались иногда спустя долгое время после завершения экспедиций, есть достаточно много эссеистических фрагментов — наших впечатлений и воспоминаний, размышлений об увиденном и услышанном — с россыпью цитат из «живых» интервью. Это «голоса» наших героев. Вот почему книгу мы начинаем с самых ярких фрагментов личных воспоминаний наших собеседников, создающих атмосферу, в которой они выросли и живут большую часть жизни.

А. Качкаева, А. Новикова

Источники

Агамбен Дж. Ното sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель / пер. с ит. М.: Европа, 2012.

Вайзер Т. Травматография логоса: Язык травмы и деформация языка в постсоветской поэзии // Настройка языка: управление коммуникациями в постсоветском пространстве. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 40–66.

ВОСПОМИНАНИЯ

Бабушка говорила, что мы родом приближенные к царскому двору. При царице были отлучены от царского двора, а приблизил ко двору Петр Первый. Родом с Астраханской области мы. За заслуги перед Россией Петр Первый, значит, старшему брату дал землю в Псковской области, среднему под Ярославлем, а младшему под Нижним Новгородом. Ну и вот старший брат женился на какой-то дальней-дальней родственнице, и были они поставщики продуктов царского двора. У нас еще долго шкатулка у бабушки была такая железная, поставщик царского двора. <...> Стар-

шая бабка тоже была родовая купчиха, сибирячка. А другая была ссыльная, тоже дворянка. И вот они втроем сходились, чай пили, разговаривали, у них такая речь была — витиеватая, приятная. А рядом жила еще одна старуха. Она была уголовная, родовая была у них такая. Эти три разговаривают, у нее все уголовщина, говор-то идет... Интересно наблюдать.

Пожилой мужчина, Иркутская область, село Середкино

У нас была русская деревня. Папа, когда приехал, он в деревне один был татарин. Они сначала как-то присматривались, а потом уже стали уже все: «Камиль! Камиль!» Уже — друг. Ну вот просто уже знать начали. Оказывается, хорошие люди. Приняли к себе. <...> У нас все вместе. У нас дружно живут. И русские, и чувашки, и мордва у нас. Я замужем за русским. Потом у меня знакомые подружки — чувашки. Очень хорошие люди, работающие.

Пожилая женщина, Республика Татарстан, деревня Данауровка

Мать у меня с Украины была. Она по вербовке приехала, ей было 12 лет. И вот остались здесь. Мама замуж вышла. До войны еще это было, ну плохо там [на Украине] жилось. А тут коров давали, поросюшков двух давали. Ну и вот, много семей приехало, в Кортеее мы жили. В Кортеее там деревня. Она развалилась уже. И вот я самый младший в семье. Ну и вот остались здесь. Мы маленькие, я-то послевоенный, считай. Отец инвалид пришел в 1944-м зимой. Я вот 28 декабря родился в 1944-м. <...> Как раньше мне отец рассказывал, коренной в Кортеее был ссыльный какой-то, бурят Кортыга. Фамилия у него Кортыга. Вот он поселился в Кортеее, и стала деревня Кортыгей. <...> Все-то деревушки тогда небольшие были, 10–12 домиков, вот тебе и хуторочек-деревня.

Пожилой мужчина, Иркутская область, село Середкино

Мне в пятый класс надо было идти. А тетя на одной кровати лежит [больная], мама на другой. Старший брат в армии, сестра одна работала. Я все экзамены сдала, ровесники в пятый класс пошли, а меня не пустили. Мама уборщицей в школе работала

и болела. Потом сказала, чтобы я пошла вместе с ней работать. Там три печи было, полы шаркались. Она потом долго болела, потом уехала в больницу к брату, а оттуда ее в гробу и привезли. Когда мне восемнадцать лет было, просватали меня. Никакой любви. Я его не знала, и он меня не знал. У него матери не было. Брат работал с ним. Они одного года — 1933-го. Работающий парень — да и ладно.

Исследователь: Было какое-то время, когда вам лучше жилось?

Рассказчица: Нет, никогда. И в детстве, и замужней. Мне 45 было, когда Мити [мужа] не стало, а детей-то растить надо было.

Исследователь: Советская власть вам помогала?

Рассказчица: Пенсию получила 56 рублей на четверых [детей].

Пожилая женщина, Иркутская область, село Середкино

Конечно, жить в советское время было легче, гораздо. Хоть и говорят, что мяса не было, колбасы не было да очередь была. Да это специально все сделали! Перевели нас на талоны в последние годы, чтоб люди подушились в очередях и были рады потом этому капитализму [перестройке], я так считаю. И мясо, и колбаса в буфете шахтерском были... Подойдешь, там всегда 300 грамм варенки тебе дадут и копченой палочки дадут. Вот это вот — брешут и брешут, что было плохо.

Пожилая женщина, Ростовская область, поселок Белая Калитва

Отец, я знаю, по переселению переехал, в 1955–1956 годах, когда в Белоруссии была вот эта разруха после войны. <...> Он приехал не один, они приехали как бы кланом. Бабушки, дедушки, если родство у нас тут соблюдать, то бабушки-дедушки, потом дядитети и так далее. А моего мужа родители в Читинской области жили. Вот там он родился и там отец его умер уже в городе Ангарске, когда мы переехали... Райком партии его [мужа] направил работать сюда сначала главным инженером. Ну, он молодой, все это очень трудно для него было. Такой директор был крутой, как говорят, человек — Назаров. Может, про него говорили вам, да?

Вот он не смог с ним работать, молодость, туда-сюда. И поэтому долгое время работал инженером уже по технике безопасности. <...> Потом, в 1992 году, здесь поставили колбасный цех. И уже он два года почти проработал начальником этого колбасного цеха. И парторгом тут его выбирали. Потом, когда вся эта партия ушла у нас коммунистическая... Рассыпалась и рассыпалась. Плакать, конечно, никто из-за этого не стал.

Женищина средних лет, Иркутская область, село Середкино

Родители жили бедно. У меня папа учитель. Я училась в педучилище. <...> У меня были туфли черные. Они уже такие страшные стали. Я приду домой, их намою и лаком покрою. Лак-то для дерева был у отца. Они высохнут — красивые! Как новые блестят, все хорошо. Иду в училище. Знаете, как иду? На носочках иду. Чтоб не сломались они у меня вот здесь. А если здесь потрескается, уже некрасиво будет. Я до остановки иду — тихо-тихо, чтоб не потрескались. Ну, там доходишь, приходишь — они опять уже никакие. И опять с них сдираешь это все. И опять заново. Вот так вот жили. Кошмар.

Женищина средних лет, Республика Татарстан, деревня Данауровка

Мне нравится, когда уютно и приятно. Раньше это было у всех. Не было такого, чтобы были неухоженные дворы. Разве что люди неблагополучные, а так все были ухоженные. Не было травы, например, и во дворах, и за дворами. Люди дворы, заборы красили. Все было уютно, все было красиво. Я вот прохожу, думаю: вот тети с дяденьками встали бы [из могил] и посмотрели на свои дворы. Они были бы в шоке. Я вот помню, как они ухаживали, как все это было в порядке. И что теперь стало? Я не могу понять, почему это происходит?

Женищина средних лет, Ростовская область, поселок Белая Калитва

Леночка родилась прямо под стройку. Мы только купили подводу. И я забеременела. И как бы сказать, вот Бог помог, и все. И роды у меня были просто сумасшедшие. <...> После в травматологию — и неподвижности полтора месяца, лежишь там, как

бревно. Я подумала, что же ее с первого дня жизни от груди отнять? А во-вторых, думаю, ну кто за ней будет ухаживать? Нekomу. Бабушек у нас, можно сказать, нету. Ему [мужу] работать надо, кто-то нас должен кормить. Я расписочку написала, что за меня не отвечают. <...> Первое время было больновато. Я очень осторожно ходила. И ничего, с Божьей помощью. Построились, и девочка выросла.

Женищина средних лет, Ростовская область, поселок Белая Калитва

Поймите правильно. Когда началась эта передряга вся — перестройка, — когда наши татары тоже хотели быть татарами. Глупость такую делали. Быстро это закончилось, года три-четыре была такая вот агрессия со стороны русских, со стороны татар. Потом все это успокоилось, и я даже могу сказать, что поступают по-хитрому. Вот здесь через два участка участок есть. У татарской семьи дочь и сын. Так отец что сделал: дочку за русского, а сына... (*смеется*). В общем, поменял. То есть все равно сближения ищут.

Пожилой мужчина, Республика Татарстан, деревня Данауровка

Вот раньше, когда я маленькая была, мы все жили как-то одинаково. А сейчас который не учился, ничего не делал, а у него все есть, он миллионером стал. А ты училась, всю жизнь в грязи проковырялась, а ничего не добились. Я не говорила, что я там плохо живу, нет. Я хорошо живу, слава Богу. Но позволить себе, вот сейчас бы сказать, поехали на море, я не могу. Либо мне надо в течение года отменить какие-то планы там, проходить в старом пальто, не купить сапог сыну — и вот это все сложить, тогда и ехать.

Женищина средних лет, Костромская область, сельское поселение Угоры

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

У нас выходной — самый лучший рабочий день. Лучше на работу ездить в лес, чем дома. Дома дел по хозяйству больше, чем на работе. <...> Это хорошо жить в городе в квартире — пришел

там, ну ладно, для мужика там, розетка сломалась. А тут... заборы падают, там не окошено, там скотина вон валяется не кормлена. <...> Охота бы, конечно, чтобы сельское хозяйство подняли, чтоб государство как-то помогло, чтоб не только с тебя спрашивали.

Мужчина средних лет, Костромская область, сельское поселение Угоры

Переживаю очень за Украину. Вот за таких людей, как мы. Которые хотят мира. Которым не нужна эта война... вот эти вот все. Тут же явно видно, что их просто угнетают, сами понимаете. Если простой народ [украинцы], вот такие, как мы, которые хотят просто мирно жить, — то и за них тоже. Они тоже нашей веры, тоже так же их угнетают, сами знаете, что с ними там делают. В каком-то плане их хотят тоже поработить, навязать что-то, а им это не нужно.

Пожилая женщина, Республика Татарстан, деревня Данауровка

Мы выйдем с соседями, обсуждаем проблему. Говорим, что надо порядок навести. Они соглашаются. Все соглашаются, но никто не хочет делать. Посадили на той стороне деревья, купили черешню хорошую. Пусть растет черешня, дети будут идти и обрывать. Проходят люди, кто-то говорит: вот молодцы! вы там деревья посадили. Будет приятно ходить по улице. Кто-то идет: вам что, делать нечего? вы тут занимаетесь непонятно чем!

Женщина средних лет, Ростовская область, поселок Белая Калитва

Я думаю, во вселенной таких планет, как наша, много. Много солнечных лет до них лететь. Я думаю, на той стороне солнца наверняка есть такая же, как мы... ну, может, говорят, не как мы, давление не такое... может, меньше люди, может, выше. Но все равно, я думаю, есть. Не мы же одни живые, есть что-то еще. Вот эти, допустим, летающие тарелки. Конечно, я не видел их, но передачи я смотрю. <...> Встретиться с ними очень приятно, пообщаться, а почему бы и нет? (Смеется.)

Пожилой мужчина, Костромская область, сельское поселение Угоры

Надо признать, что нашей исследовательской команде тоже иногда казалось, что мы прилетели в это «зачарованное место» на летающей тарелке. Но в другие моменты мы отчетливо понимали, что это и есть одновременно и наше прошлое, и наше настоящее, и часть будущего. Что наши собеседники во многом похожи на наших родителей и бабушек с дедушками. И нам очень трудно полностью отстраниться и сохранять дистанцию. Эта «двойная экспозиция» сохранится и в тексте книги. Наши личные «голоса» нам тоже кажутся важными и ценными, они тоже эго-документы, отражающие живущие в нашей голове мифы о том, какой должна быть сельская Россия — «другая Россия» — зачарованное место, где настоящее никак не может проститься с прошлым.

ПРЕДИСЛОВИЕ ВТОРОЕ. НАУЧНОЕ

Наше исследование задумывалось как научная рефлексия по поводу модернизационного дискурса о цифровом телевидении. В результате государственной многомиллиардной реформы к концу второго десятилетия XXI века в любой деревне, где раньше телевизор принимал в лучшем случае два канала с рябью, должны были стать доступными в качестве HD минимум 20 цифровых телеканалов. По мнению сторонников, это должно было обеспечить сельским жителям «поставку» городского образа жизни и «открытие» сознания.

Понимая, что любые обещания за столь короткий срок при помощи какой-либо технологии изменить сознание людей являются чистой воды технологическим детерминизмом, зная, насколько сложно, комплексно, нелинейно осуществляется влияние медиа на людей, мы считали важным с помощью медиатеорий и эмпирических исследований показать невозможность «победоносного шествия» городской медиатизированной культуры в сельской среде. Мы исходили из того, что в ситуации неопределенности, характерной для современности в целом и находящей отражение в современной медиасреде, человек стремится избавиться от состояния когнитивного диссонанса [Фестингер, 2018]. При этом городские жители обладают гораздо более широким, чем жители сельской местности, набором досуговых практик, позволяющих им преодолевать это напряжение. Это приводит к тому, что по-

следние имеют, как правило, более низкий уровень адаптивности к изменениям, чаще пытаются избавиться от страхов, связанных с неопределенностью настоящего и будущего, с помощью привычных (можно даже сказать — ритуальных) способов медийных и интерперсональных коммуникаций.

В постсоветское время фактически центральным элементом досуга сельских жителей становится просмотр телевизионного контента и обсуждение его с соседями в замкнутой коммуникативной среде. В связи с этим мы предположили, что, получая доступ к более широкому набору телевизионных программ, сельская аудитория будет использовать его не для модернизации своего образа жизни, а для еще большего укрепления «сельской идентичности» и обособления от города.

Описывая медиапрактики сельских жителей, мы опирались на имеющую значимые методологические основания теорию практик. Рассмотрение практики с социологической точки зрения как некой совокупности принятых в обществе действий начинается с Пьера Бурдьё и развивается в работах Гарольда Гарфинкеля, Энтони Гидденса, Альфреда Шюца [Бурдьё, 2001; Гарфинкель, 2007; Гидденс, 2003; Шюц, 2003] и др. Бурдьё отметил неосознанность некоторых действий, руководство практическим чувством, которое позволяет субъекту экономить силы, действуя по заранее определенным схемам.

На примере сельских жителей мы можем наблюдать, как сбываются предсказания Жан Франсуа Лиотара, полагавшего, что человечество, в ответ на рост неопределенности, сложности и разнообразия, разделится на тех, кто готов воспринимать сложное мироустройство, и тех, кто тяготеет к упрощению реальности [Лиотар, 2016]. В нашем случае готовность к восприятию сложного мироустройства часто находила выражение в артикулируемой готовности использовать новые практики в целях экономии сил.

Лаборатория сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ под руководством Рональда Инглхарта уже много лет про-

водит сравнительные исследования, изучая, в частности, зависимость изменений в жизни общества от доминирования консервативных или модернизирующих ценностей в обществе [Инглхарт, 2018]. Мы не использовали напрямую эти методики в своем исследовании, однако, формулируя вопросы для наших интервью, учитывали подходы и результаты исследований этой лаборатории. Разговаривая с сельскими жителями, мы стремились не только систематизировать их наиболее типичные медиапрактики, но и понять, как они воспринимают и оценивают медиаконтент, а через это выйти на понимание доминирующих ценностей. В этом отношении наши наблюдения можно считать своего рода иллюстрациями к исследованиям Лаборатории Инглхарта.

Проект Лаборатории медиаисследований ЦФИ НИУ ВШЭ «Трансформация медиа в России в условиях новой коммуникационной реальности» реализовывался в период значительного усиления вовлеченности технологий в жизни людей в сельской местности. Мы полагаем, что зафиксировали важный этап трансформации медиасферы — ситуацию перехода на цифровое многоканальное телевидение в различных регионах и начало формирования новых (цифровых) практик медиапотребления.

Подобные исследования в социальных науках опираются прежде всего на теории диффузии инноваций, рассматривающие процесс распространения изобретения в социальной среде как коммуникацию. В частности, это нашло отражение в работах Габриеля Тарда [Tarde, 1993] и Эверета Роджерса [Rogers, Agarwala-Rogers, 1976]. Проникновение инновации в социальный мир каждого индивида, по Роджерсу, делится на закономерные стадии: знания (индивид узнает об инновации), убеждения (индивид поглощает информацию о ней), решение (индивид взвешивает «за» и «против» при принятии инновации), внедрение (индивид ищет свои возможности и способы использования инновации), подтверждение (индивид закрепляет решение использовать инновацию).

Однако подход Роджерса линейен и в значительной степени предполагает, что залог успеха любой инновации — ее грамотная коммуникация. Это как раз и является характерным для государственных вертикальных программ по навязыванию каких-то инноваций в социальной среде. Не соглашаясь с этим линейным подходом, мы отталкивались от теории социотехнического альянса Патриса Флиши [Flichy, 2017], предполагавшего, что любая инновация, выходящая из лаборатории, опирается на набор социальных практик, уже существующих в социальном мире. С этой точки зрения, прежде чем рассматривать многоканальное телевидение в сельской среде, необходимо изучить иные коммуникативные практики, предшествующие данному виду досуга, в их комплексности.

Эти предположения подтвердили наши исследования в сельской местности. Мы наблюдали постепенный процесс вытеснения давно знакомых практик чтения книг, потребления музыки на дисках или в радиоэфире, кино на большом экране в клубах или на телеэкране и т.д. Однако в большинстве случаев принятие решения использовать инновации — мобильные телефоны, информационные ресурсы в Интернете, социальные сети — не приводило к кардинальным изменениям предпочтений и практик. Привычные практики, большая часть которых в период, когда проводилось наше исследование, еще сохранялись в быту сельских жителей, лишь переносились на другую платформу. Причем достаточно часто они продолжали существовать параллельно — в прежних и новых формах. Самостоятельный поиск культурного контента не приводил к существенно большей избирательности и критичности. Люди продолжали слушать привычную музыку и смотреть хорошо знакомые фильмы на новых носителях, ценя более высокий уровень качества звука и изображения, но не проявляя стремления к ставшему легкодоступным новому контенту. Использование коммуникационных возможностей так называе-

мых новых медиа было детерминировано культурной и социальной средой, а отнюдь не обуславливало эту среду.

Следуя логике нашего исследования, мы перенесли центр внимания с обсуждения достоинств и недостатков технологических инноваций на анализ этнографического контекста, в рамках которого люди потребляют СМИ. При этом мы продолжали опираться на теории практик и теории повседневности [Элиас, 2001; De Certeau, 1980; Фуко, 1994]. Но также мы обращались к локальным исследованиям — изучению общественных представлений о ценности сериалов [Ang, 1985], контекста использования первых компьютерных форумов — *messagerie* [Jouet, 2000], форм телевизионных церемоний [Dayan, Katz, 1992], мифов и репрезентаций, возникающих вокруг использования техники и технических объектов [Proulx, Raboy, 2003].

В этом контексте нам близко понимание практик не как ситуационного упорядочивания, а как внеситуационного контекста деятельности, формируемого на протяжении достаточно длительного периода. Такая интерпретация понятия практик имеет общие основания с подходами социологии культуры, разработанными Леонидом Иониным [Ионин, 2004], и может использоваться как при анализе взаимодействия информантов с художественным медиаконтентом, так и при изучении локальных практик обращения с новыми медиаустройствами (смартфонами, приставками для цифрового ТВ и пр.).

В период проведения исследования эти новые практики уже можно было наблюдать. Но основной досуг сельских жителей все еще был тесно связан с телепросмотром. Сказывалась и удаленность от культурных центров, и слабо развитая местная инфраструктура развлечений. Новые практики в первую очередь были характерны для молодых сельских жителей, которые хотя и с ощутимым опозданием по сравнению с городским населением, но включались в цифровую коммуникацию. Старшее поколение (а иногда и среднее) часто принимало решение об использовании

инноваций не самостоятельно, а уступая уговорам родственников. Мобильные телефоны, приставки для цифрового ТВ, компьютеры они получали в подарок от детей и внуков (часто уже давно живущих в городах), соглашаясь принять привычные и удобные близким формы коммуникации. Приемам пользования Интернетом и смартфоном старшее поколение сельских жителей тоже обучали дети и внуки. Мотивом принятия инноваций при этом также служило не столько их удобство или привлекательность новых возможностей получения информации, сколько желание не выпасть из большого семейного круга, разбросанного по разным городам и даже странам. Телевизионный же просмотр все еще был свойственен всем возрастным группам сельских жителей и большей части их городских родственников, о чем часто упоминали наши собеседники в интервью, говоря, что обсуждают телевизионные новости, фильмы и сериалы с родными.

Еще один ожидаемый результат, связанный с повседневными практиками, — их зависимость от ритмов сельскохозяйственных работ. Несмотря на то, что большая часть наших собеседников не работала в аграрной сфере, практически все они имели приусадебные и дополнительные земельные участки, которые помогали семьям обеспечивать себя продуктами питания. Это дало нам основание предполагать, что в культуре повседневности сельских жителей сохраняются и другие черты традиционной крестьянской культуры.

Контекст знаний о специфике крестьянского типа общества мы черпали из работ Теодора Шанина и его исследовательской команды. Основными книгами этого направления для нас стали «Великий незнакомец» (1992) и «Рефлексивное крестьяноведение» (2002). Рассматривая тему с позиций *cultural studies* [Williams, 1961; Hoggart, 1957], мы можем говорить о том, что многоканальное телевидение, представленное преимущественно городскими и столичными каналами, предлагает слепок городской культуры. Проникновение его в деревенский контекст может вызывать столк-

новение двух культур: культуры городской и культуры сельской. Нам было интересно посмотреть, приводит ли данное столкновение к вытеснению одной культуры другой (например, за счет проникновения в деревню рекламируемых по телевидению предметов быта, способов декорации жилища, приборов и т.д., ассоциирующихся с богатством и буржуазным образом жизни). Или можно говорить о сопротивлении сельской культуры городской, навязываемой через различный телевизионный контент. В связи с этим нам были интересны образы прошлого, почерпнутые из личного опыта и коллективной памяти, их трансформация в условиях большей доступности альтернативных точек зрения и взглядов (в частности, возможностей просмотра тематических исторических и образовательных телеканалов, пользования интернет-источниками и др.). Это направление наших исследований мы связывали с традицией исследований коллективной культурной памяти [Halbwachs, 1992; Assmann, 2011].

Продуктивной для нас на этапе интерпретации данных оказалась опора на идеи Симона Кордонского [Кордонский, 2008]. В каждом из сельских поселений, которые мы посещали, мы встречали представителей разных сословий — и титульных (имеющих отношение к власти) и нетитульных (в частности, пенсионеров, бюджетников, коммерсантов). Но практически никто из наших собеседников в полной мере не мог быть отнесен к крестьянскому сословию даже в том виде, в котором оно еще существовало в советское время и было описано исследовательской командой Теодора Шанина. Они лишь сохраняли в своей повседневной жизни и личной и коллективной памяти некий набор клише, ассоциирующийся у них с крестьянской культурой.

Однако в границы новых сословий, которые описывает Кордонский, наши собеседники тоже не вписывались. Одной из возможных причин затруднений в формировании новых сословных границ в сельской местности может быть территориальная удаленность от городских центров — мест, где сосредоточена власть.

Кроме того, прослеживается сильная зависимость жизнеобеспечения семей от индивидуального сельского хозяйства. Эту территориальную и материальную обособленность люди сами часто подчеркивали в интервью. Несколько утрируя и иронизируя, они регулярно упоминали о своей «автономии» от государства, готовности «уйти в партизаны». Нам представляется, что во многих случаях (особенно в сельских поселениях, значительно удаленных от городских центров) можно говорить о внесловном положении сельских жителей или о возможности не идентифицировать себя ни с каким сословием.

Связанное с этим острое чувство социальной незащищенности и отстраненности от течения общественной жизни, идущей в городах, наши собеседники проговаривали почти во всех интервью. Оно подталкивало их активно поддерживать личные и семейные связи — единственную надежду на выживание в сложных жизненных обстоятельствах, и позволяло сохранять равнодушное отношение к происходящему в городах, других регионах и стране в целом. Социальную вовлеченность в общественную жизнь им заменила эмоциональная в событиях, разворачивающихся в мелодраматических и детективных сериалах и бытовых ток-шоу, идущих на федеральных телевизионных каналах. Эти доминирующие и объединяющие сельских жителей разных регионов России настроения в значительной мере и определили, на наш взгляд, успешность внедрения разного рода медиатехнологических инноваций в повседневные практики наших информантов.

Источники

Бурдые П. Практический смысл / общ. ред. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001.

Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире: хрестоматия / сост. Т. Шанин; под ред. А.В. Гордона. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992.

- Гарфинкель Г.* Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007.
- Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2003.
- Инглхарт Р.* Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / под ред. М.А. Завадской, В.В. Косенко, А.А. Широкановой. М.: Мысль, 2018.
- Ионин Л.Г.* Социология культуры. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004.
- Кордонский С.Г.* Сословная структура постсоветской России. М.: ФОМ, 2008.
- Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. М.: Алетейя, 2016.
- Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России / под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВШСЭН; РОССПЭН, 2002.
- Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса. М.: Эксмо, 2018.
- Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994.
- Шюц А.* Смысловая структура повседневного мира: Очерки по феноменологической социологии / сост. А.Я. Алхасов. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2003.
- Элиас Н.* О процессе цивилизации: в 2 т. М.: Университетская книга, 2001.
- Ang I.* Watching Dallas. Soap Opera and the Melodramatic Imagination. L.: Methuen, 1985.
- Assmann J.* Communicative and Cultural Memory // Meusburger P., Hefernan M., Wunder E. (eds). Cultural Memories. Knowledge and Space (Klaus Tschira Symposia). Vol. 4. Dordrecht: Springer, 2011.
- Dayan D., Katz E.* Media Events. The Live Broadcasting of History. Cambridge: Harvard University Press, 1992.
- De Certeau M.* L'Invention du Quotidien. Vol. 1: Arts de Faire. Paris: Union generale d'editions, 1980.
- Flichy P.* L'innovation technique. Récents développements en sciences sociales. Vers nouvelle théorie de l'innovation. Paris: La découverte, 2017.
- Halbwachs M.* On Collective Memory. Chicago: University of Chicago Press, 1992.

- Hoggart R.* The uses of literacy: aspects of working-class life with special reference to publications and entertainment. L.: Essential books, 1957.
- Jouet J.* Retour critique sur la sociologie des usages // Réseaux. No. 100, 2000.
- Proulx S., Raboy M.* Entre politiques et usages: les téléspectateurs jugent la télévision // Courbet D., Fourquet M.-P. (eds). La télévision et ses influences. Paris: De Boeck, 2003.
- Rogers E., Agarwala-Rogers R.* Communication in Organizations. N.Y.: Free-Press, 1976.
- Tarde G.* Les lois de l'imitation. Paris: Kimé Éditeur, 1993.
- Williams R.* The long revolution. N.Y.: Columbia University Press, 1961.

Enchanted place. Media consumption, media literacy, and historical memory of rural populations / A. Kachkaeva, I. Kiria, A. Novikova, E. Petrova, V. Chumakova ; edited by A. Novikova, A. Kachkaeva ; National Research University Higher School of Economics. — Moscow : HSE Publishing House, 2021. — 168 pp. — 500 copies. — ISBN 978-5-7598-2522-7 (pbk). — ISBN 978-5-7598-2288-2 (e-book).

This book joined under one coverage the results of interdisciplinary academic research realized by laboratory of media research (Center for fundamental research of HSE University Russia), journalistic observations, essays of participants of expeditions and big fragments of interviews of rural settlers. The fieldwork was organized between 2012–2014 when the role of technologies in everyday life of such people became stronger and stronger. We observed the important shift in transformation of media sphere particularly related with rise of digital multichannel broadcasting in different regions and emerging new (digital) practices of media reception. Moreover, this book put together some actual reflections of scholars about effects of described processes of this time on level of media literacy and social satisfaction of rural populations.

This collective book is realized and published with a support of Center of digital cultures and media literacy of HSE University.

Научное издание

Зачарованное место
Медиапотребление, медиаграмотность
и историческая память сельских жителей

Под редакцией *А.Г. Качкаевой, А.А. Новиковой*

Зав. книжной редакцией *Е.А. Бережнова*

Редактор *К.А. Залесский*

Компьютерная верстка: *С.В. Родионова*

Корректор *О.И. Ростковская*

Дизайн обложки: *А.С. Колчина*

Художественный редактор *В.П. Коршунов*

На обложке — фотографии *В.П. Чумаковой*

Все новости издательства — <http://id.hse.ru>

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15285

Подписано в печать 11.05.2021. Формат 60×88/16

Гарнитура Minion. Усл. печ. л. 10,2. Уч.-изд. л. 7,0

Тираж 500 экз. Изд. № 2529

Отпечатано ООО «Фотоэксперт»

109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42

